

С-464ср.

2422 8/р.

ФРОНТ
и ТЫЛ



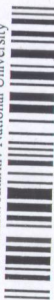
ГР. СКУЛЬСКИЙ
СЧАСТЬЕ СМЕЛЫХ

Српд

Цена 50 коп.

ИЗДАНИЕ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ

V.N. Karazin Kharkiv National University



00758328

1

1/8 (c1) 2

2) Мелкофуреве —
Зернов. с. в.
Ленинск

3/32B9

С 464-с.с.

Смерть немецким оккупантам

"ФРОНТ И ТЫЛ"

ГР. СКУЛЬСКИЙ
СЧАСТЬЕ СМЕЛЫХ

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1945

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1945

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА УЛ
1944 2422/8р.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ
1944

58

РР

СЧАСТЬЕ СМЕЛЫХ

Писарь штаба полка Петр Скляров редко выходил из блиндажа. Вслух он объяснял это тем, что был страшно занят. Про себя гордился осторожностью и еженедельно, хвастая, писал жене, что жив, здоров и уцелел благодаря мудрой предусмотрительности, несмотря на то, что уже целый год воюет. Петр Скляров был невысок ростом, морщинист и болел ревматизмом и насморком. Не отличаясь храбростью, он тем не менее больше всего на свете любил слушать рассказы своего земляка Владимира Сергиенко, самого отважного человека в полку.

Владимир Сергиенко, в прошлом знаменитый киевский легкоатлет, отчаянный курчавый парень, не раз уже бывал в таких местах, где жизнь от смерти отделяет только время полета пули. Дважды его награждали. Рисковал он жизнью ежедневно, но прослу-

жив год, так же, как и писарь, не был ни разу ранен.

Невероятное военное счастье сопутствовало ему.

— Похоже на то, что Сергиенко заговорен от пули, — шутил командир полка.

Писаря удивляла игра слепой судьбы и он всякий раз с болезненным нетерпением ждал возвращения Владимира с поля боя. Его интересовало, когда же счастье повернется к храбрецу спиной, и ему, писарю, придется вычеркнуть Сергиенко из списков полка. Писарь вовсе не желал Владимиру зла, но исходя из каких-то известных только ему законов статистики был уверен, что рано или поздно это случится.

...В этот день бой был очень тяжелым. Бойцы недвижно залегли под страшным пулеметным огнем, хлеставшим из вражеского дзота. И только Владимир время от времени поднимался, чтобы швырнуть гранату, или просто так, чтобы ободрить товарищей.

Шинель его была пробита в трех местах, дважды пули оцарапали каску, но он только улыбался, молодой, голубоглазый, веселый. И сейчас он настолько верил в свою счастливую звезду, что ему даже казалось, что он не особенно ценит жизнь.

Между тем положение его отделения было тяжелым. Немецкий пулемет не умолкал. Один

за другим выбывали из строя бойцы. Нельзя было подняться. Спереди и сзади ждала смерть. Нужно было или взять дзот, или всем погибнуть.

— Ты понимаешь это, Сергиенко, ты понимаешь, — шептал Владимиру Гривцов. Пуля пробила Гривцову правую руку и он болезненно кривился не то от раны, не то, скорее, от сознания, что в самую горячую минуту вышел из строя.

Владимир кивнул ему головой, встал на колени и бросил одну за другой три гранаты. Гранаты попали точно на бревенчатый настил дзота, но не причинили ему никакого вреда.

Короткой очередью вновь ударил немецкий пулемет. Ахнул вторично раненный в шею Гривцов. Владимир выругался. Потом он оглянулся вокруг, как бы ища выхода. Влажная, едва освободившаяся от снега земля пахла весной. Он вдохнул этот запах и почувствовал, что к нему примешивается знакомый удушливый запах крови...

— Сколько жертв, сколько смертей, — подумал он. И тут, как молния, неожиданно мелькнула мысль о единственном выходе. И тогда он впервые по-настоящему осознал, как любит жизнь.

...Так, значит, смерть, смерть... А как же счастье? Смерть... Он еще как-то не верил в нее. Посмотрел на небо и вдруг поднялся,

бросил последнюю гранату и побежал. Он бежал прямо на пулемет. Бежать было трудно, ноги его вязли в грязи. Среди тысячи мыслей, вихрем пронесившихся у него в голове, выделялась одна. Одна—только бы не быть убитым сразу, только бы успеть пробежать эти 15—20 метров и упасть, лечь, закрыть своим телом амбразуру дзота... Да, закрыть, и товарищи отомстят... О счастье Владимир больше не думал.

Пулемет молчал, очевидно, немцы решили расстрелять в упор одинокого безумца. Пулемет молчал.

Кровь стучала в его виски, сердце учащенно билось. Он услышал за спиной — «Ура!» и сделал последний бросок, не переводя дыхания. Перед ним, кружась в глазах, мелькнула амбатура дзота...

И вдруг открылась дверь. Владимир в красноватом тумане увидел, как из дзота один за другим выходили с поднятыми руками немцы. Владимир едва не потерял сознания.

— Рус, не стреляй! Гитлер капут! — тупо и испуганно повторял рыжий ефрейтор с мордой гориллы...

— Просто невероятное счастье у тебя, Сергиенко, — сказал через полчаса командир взвода.

Владимир в это время уже выходил из

занятого дзота. Он успел осмотреть пулемет и убедиться в том, что его заклинило осколком гранаты.

— Счастье? Да, неслыханное счастье, — улынувшись, повторил Владимир.

Тут он увидел подходившего командира полка и, как обычно, попросил разрешения сходить к Складову, чтобы рассказать ему о случившемся.

— К Складову тебе сегодня не придется идти, — строго и печально ответил полковник, — полчаса тому назад его убила шальная пуля.

В ГОРОДЕ ТОПОЛЕЙ И КАШТАНОВ

Я жил тогда в городе тополей и каштанов. Над синим Днепром взлетали белые крылья облаков, а далеко вверх слышался мерный и спокойный гул Арсенала.

Напротив моего дома в небольшом саду стояли старинные «Золотые ворота». Летним утром я открывал окно и вспоминал о славе «Золотых ворот» и слушал шелест ветра в ветках каштанов. Но чаще всего я наблюдал за играми детей, которые приходили в сад по утрам. Моей любимицей была четырехлетняя голубоглазая и золотоволосая Лия. Мы с ней были друзьями и когда я выходил в сад, она прыгала ко мне на колени и вырывала газету из моих рук. Мордочка ее была перепачкана песком, а в глазах не потухало веселое детское лукавство.

...Это было давно, в городе юности, тополей и каштанов.

В августе 1941 года, на третьем месяце

войны, дети играли в саду, как в мирное время. Киевляне привыкли тогда к опасности, как к быту. И старая фребеличка спокойно болтала с детьми не то по-русски, не то по-французски.

Я вышел из дому, привычным жестом руки попрощался с Лией и она улыбнулась мне. Однако, не успел я пройти и квартала, как над городом пронеслась тревога. Запоздало закричали рупоры, и черная тень «Юнкерса» появилась над крышами. А через несколько секунд на улице разорвались бомбы. Пыль и щебень встали столбом, осколки со свистом летели по воздуху и врезались в стены домов.

«Юнкерс» пролетел... Я поднялся с асфальта, и, повинувшись какому-то неясному тревожному чувству, побежал к своему дому. Улица была совершенно пустой.

Задыхаясь от бега и волнения, я остановился. Мой дом уцелел, только штукатурка осыпалась со стен и битое стекло вперемежку с осколками валялось на тротуаре. Но посреди мостовой зияла огромная воронка, а у самого под'езда я заметил маленькое детское тельце. Сердце тревожно заныло, я побежал к ребенку и подхватил его, на руки. Это была Лия. Нет, не прежняя, у этой не было шаловливого блеска в глазах и не было ножек. По самые колени их начисто срезал

осколок бомбы. Лия не успела добежать до бомбоубежища. Она плакала и звала далекую маму. Я прижал ее к груди и заплакал вместе с ней и ее кровь ключом хлестала на мою гимнастерку.

— Лия, Лиечка!..—И вдруг она узнала меня и посмотрела на меня жалкими глазенками и спросила:

— Дядя, дядя, а у меня вырастут ножки?

Не знаю, как я не сошел с ума. Я прижал ее еще крепче к себе и побежал. Я спешил в больницу и в эту минуту мне казалось, что надо только успеть добежать во время и Лия будет жива и, может быть (нет, я ведь был тогда действительно ненормальным), может быть, у нее вырастут ножки.

...Я распахнул холодную, стеклянную дверь поликлиники и вбежал на второй этаж, расталкивая больных. Я протянул девочку хирургу.

— Спасите! — с надеждой и отчаянием произнес я.

— Я не могу ее спасти. Девочка умерла, — с участием, но спокойно ответил седой старик-врач...

Это было давно в городе тополей и каштанов.

КАСКА

Пуля пробила каску. Острые края вдавленной и разорванной стали, врезались в лоб ребенка. Мальчик лежал на полу, маленький и беспомощный. Непомерно большая каска плотно сидела на его голове. В правой руке он сжимал немецкую губную гармошку.

В хате никого больше не было. Пустые стены, битая посуда на столе, покосившаяся, запыленная икона в углу.

...Село было взято нами на рассвете и многочисленные жители только выползали из щелей и подвалов.

Лейтенант вошел в хату и сразу остановился. Его порастил запущенный, нежилой вид комнаты. Он переступил с ноги на ногу и тут заметил лежавшего на полу мальчика. Лицо ребенка было бледным, над правой бровью лежало слипшееся кольцо золотистых волос.

Сергей попытался было снять с головы ребенка каску, но это было невозможно. Как

цветочный горшок сдерживает поросшую корнями рассыпчатую землю, так каска сохраняла разможенный череп.

В комнату вошел старик. Без удивления посмотрел он на Сергея. Подошел, сел рядом. Поднял руки мальчика, сложил их на груди. Затем вытер слезы рукавом полушубка. И вдруг, как будто так и нужно было, ни о чем не говоря и не предупреждая, он начал рассказывать историю. Вот она:

...Стоял жаркий июль 1942 года. На поверхности Донца у переправ плавала глуше-ная бомбами рыба. Вова бегал вместе с другими мальчиками ловить ее. Варили уху, слушали близкий грохот разрывающихся снарядов. Играли в войну.

По вечерам Вова возвращался к деду, спрашивал, нет ли писем от папы и мамы с фронта, и играл подслушанную где-то мелодию на трофейной гармошке, подаренной ему каким-то заезжим лейтенантом. Играл 12-летний мальчик хорошо, слух у него был исключительный.

— Приедут папа и мама с войны, целый день им буду играть, — мечтал Вова.

...Немцы вошли в село неожиданно, негладно.

В избе у Захара Ивановича расположился маленький, толстый с лысеющей головой лейтенант фон-Гард. Он улыбнулся Вове,

потребовал молока и сообщил, что друзья называют его добряком.

Вечером пришел к нему приятель капитан Шнуппе. Высокий и черноусый, в лихо заломленной пилотке, капитан долго и с подробностями рассказывал о проведенной им бурной ночи.

Мирно побеседовав с полчаса, офицеры предложили деду и внуку удалиться.

— Военные тайны, — сказал фон-Гард.

С этого времени так и пошло. Дед и внук спали в сарае, а в избе господ офицеры устраивали оргии.

По утрам фон-Гард пил огуречный рассол, каялся, писал нежные письма своей Марго и напевал Штрауса.

Как на грех, однажды случилось так, что мальчик, забывшись, стал повторять за офицером на губной гармошке мелодию венского вальса.

Фон-Гард прислушался, подошел к дверям чулана, где сидел Вова, распахнул дверь и стал громко аплодировать. Мальчик испуганно спрятал гармошку за спину и стоял молча, потупив глаза.

Растопырив короткие толстые руки, фон-Гард обнял Вову, погладил по голове и потащил его в комнату. День прошел в музыкальном воспитании, а вечером... Вечером дед выгнали, а мальчика не пустили из дому.

Вова бушевал, кричал: «Не хочу без деда!» Дед волновался, фон-Гард успокаивал, а капитан Шнуппе схватил деда за шиворот и выбросил на улицу.

Потом он хлестнул Вову плеткой так, что она обвилась вокруг тела мальчика. Вова громко крикнул, потом замолчал и стал, испуганно вытаращив глаза на капитана.

В первый вечер под Вовину музыку танцевали полуголые проститутки и офицеры. На следующий день притащили деревенских женщин, и Вова, одеревенев от ужаса, смотрел, как офицеры насиловали сестер его школьных товарищей. Он даже не плакал. Шнуппе запретил ему плакать.

...Так продолжалось девять месяцев. Лицо мальчика стало восковым и, казалось, просвечивало насквозь. Кармошку свою он возненавидел и не выбрасывал ее только потому, что знал, что у фон-Гарда есть их не менее дюжины.

Кончились дожди, выпал первый снег, холодный ветер заметался над степью. И вдруг вечером 20 ноября взрывы снарядов стали отчетливо слышны в деревушке. Офицеры в этот вечер женщин не приводили. Фон-Гард укладывал вещи, Шнуппе глушил спирт, а мальчик... Мальчик играл по привычке. Уйти он не мог, его отсутствие заметили бы, как отсутствие привычной вещи.

Фон-Гард примерял каску, стягивая ремешки. Шнуппе рассмеялся.

— Не поможет, — сказал он, — все равно пробьет.

— Пуля не пробивает, — повернувшись к капитану, с дрожью в голосе сказал фон-Гард.

Потом он быстро подошел к столу, выпил залпом стакан спирту и, обозлившись, предložил:

— Пари. Идет пари, что не пробьет? Пари — ну на что — на первую невинную девушку — идет?

— Идет, — спокойно ответил капитан.

Фон-Гард оглянулся по сторонам, потом вдруг улыбнулся и одел каску на голову стоявшего у окна мальчика.

— Ну?...

Шнуппе иронически посмотрел на своего друга.

— Не спеши, добрячок, пуля должна войти под прямым углом. — Он хладнокровно стал поднимать руку с пистолетом.

Мальчик не кричал, он только оторвал гармошку от губ, мелодия оборвалась. Наступила страшная тишина. Дрожь пронизывала тельце мальчика, он открыл рот, может быть, чтобы крикнуть... Тишина стала невыносимой, медленно поднималась рука с пистолетом.

Капитан Шнуппе пробил каску с первого выстрела.

Фон-Гард выругался, нахлобучил на голову пилотку. У дома остановилась машина. Офицеры уехали.

* * *

— Вот и все, что я узнал об этой истории, — сказал старик.

— Все? — переспросил Сергей. Он чувствовал страшную слабость — по лбу стекали капли холодного пота.

Он вспомнил семью, — жену, мать, оставшихся в родном городе. Он вспомнил дочь, она училась играть на фортепиано...

Все?.. Где-то близко разорвался снаряд, застрочили пулеметы...

— Нет, не все, Захар Иванович, — уже твердо сказал он... и вышел в степь.

Никогда еще не было в нем такой ненависти. Никогда еще он так не рвался в бой, на смертный бой.

ПАРТИЗАНСКАЯ НЕВЕСТА

Полузакрыв глаза, красные и слезящиеся от снега и резкого ветра, мы шли по степи. И вдруг как будто кто-то оборвал выюгу на самой высокой ноте. Мы открыли глаза, глубоко вдохнули воздух. Тихо поскрипывали вершины деревьев и лесная тропа коричневатой змейкой убегала на запад.

Лес. Отдаленное гроыхание орудий, приглушенные голоса ветров в степи. Лес и тишина.

Ось він, город Берложок,
Де ми загубили наших жінок.

Откуда-то донеслась эта песня. Пела женщина. Мы переглянулись и, неговариваясь, пошли туда, откуда доносился ее голос.

...Ось він, город Берложок...

Сначала тропинку перерезали глубокие траншеи. Затем показались покрытые снегом землянки и шалаши. Земля вокруг была изрыта воронками авиабомб и снарядов, и, ка-

залось, еще дышала гарью недавно отгремевшего боя. Некоторые землянки были разрушены, вокруг валялись обгоревшие бревна. На одном из них сидела девушка, веселая, сероглазая, с красной лентой, наискосок прорезавшей мех ушанки.

— Не нас ли ждешь, партизанка? Про что песни поешь? — спросил я, улыбаясь.

— Тебя ждала, — засмеялась девушка. — А эту песню наши партизаны сложили, когда от жен своих в эти берлоги ушли.

...На фронте знакомятся легко и быстро. Через полчаса мы были уже друзьями и девушка с каким-то чисто-детским простодушием рассказывала мне о недавних партизанских делах. Здесь были и неожиданные налеты на немецкие отряды, и пущенные под откос воинские эшелоны, и долгие ночи лесных засад.

Мы слушали ее молча, затаив дыхание. Мы многое узнали и пережили за двадцать месяцев войны, но то, что рассказывала девушка, казалось новым.

— А как ты сама в отряд попала? — спросил я, воспользовавшись случайной паузой.

— Рассказать?

— Расскажи.

И она начала: «Долго стоял у нас большой карательный отряд. Палили немцы по лесу, а в лес идти боялись. Расстреляли они в се-

ле человек 30, пожрали у нас, попили, скот угнали и в город ушли. Партизаны тогда в лесу скрывались, почитай, месяц в бане не были, белья не меняли. Позвали мы их, помылись они, белье сменили, а потом стали у нас бабы кофты да юбки просить. Очень удивились мы. Для чего? — спрашиваем. Смеются. Мы, говорят, жен с собой не возим, так пусть хоть какая женская видимость будет. Не поверили мы, а только раз надо, конечно, отдали.

Было в тот день воскресенье. Стали партизаны лошадям в гривы ленты заплетать, бубенцы подвешивать. Уселись на сани парами — один мужчина, а другой — вроде бабы. Чудно нам. Думаем, что они там в лесу с ума посходили. А они на нас — ноль внимания. Потом уже поздравил меня командир, а был он мне старый знакомый. И говорит: «Надо тебе, Танюша, с нами поездить, смерть открытыми глазами встречать. Пойдешь?». Пойду, говорю, товарищ командир (такой он красивый был), только уж очень жить хочется, а вы мне о смерти говорите...

Засмеялся командир, посадил в сани. Моей невестой, говорит, будешь. Как ударит он лошадей, как погонит... А за нами следом и все остальные. Едем мы, песни поем, будто вправду свадьба. А пулеметы да винтовки в саях рядом накрыты. Начала я про что-то

догадываться, да некогда думать, потому как под'ехали мы к городу и немецкие патрули нас повстречали. А только увидели немцы — свадьба, как свадьба, пропустили нас, залопотали по своему и за нами бегут — поглазеть, значит.

Набилось их видимо-невидимо. А Ваня (командир наш) остановился у церкви, взял меня под локоток... И батюшка уже у порога стоит — встречает.

Ну, думаю, может вправду венчаться будем. Стою и краснею, смущаюсь, а только я не против этого была.

Немцы вокруг рты пораззевали. Но Ваня мой в церковь не вошел, вынул платочек из кармана, взмахнул рукой. Как развернули тут ребята сани. Как сбросили рядом да открыли по немцам огонь. Падают фрицы на снег и все вокруг от них чернеет. Кричат они, бегут... Шум такой стоял, что я едва не очумела. Тут и подхватил меня Ваня за талию да в сани. Как стеганули мы лошадей, только ветер засвистел.

Ну вот, тем и кончилась наша свадьба. И поселилась я с тех пор в городе Берложке и называли меня партизанской невестой».

— Ну а Ваня, он где сейчас? — спросил я.

— А Ваня мой лейтенант — теперь в Красной Армии.

— Так что ты тут делаешь?

— Да вот никак от старого дома не от-
выкну. Ну, пошли в село, молоком угощу.

...Мы, нехотя, поднялись и пошли по ко-
ричневатой тропинке, меж высоких усыпан-
ных снегом деревьев. Впереди — партизан-
ская невеста, а за ней уже почти влюбленные
в нее командиры-фронтовики.

НА ЛЕСНОЙ ПРОГАЛИНЕ

Они курили одну папиросу, затягиваясь по очереди. Умиравший курил с трудом и когда он отнимал мундштук ото рта, на бумаге оставалось розовое кольцо. Александр чувствовал соленоватый вкус крови во рту и почему-то это увеличивало в нем жалость к раненному другу.

Он не видел Анатолия уже несколько лет, и вот встреча... Встреча неподалеку от поля боя.

Дорога была изрыта воронками, лес изломан.

— Я сглушил... Автоматчик поднял руки и крикнул, что сдается, а потом дал по мне очередь. — Анатолий поперхнулся и выплюнул на плащ-палатку сгусток крови.

— Сейчас я умру, — добавил он.

Александр ничего не ответил, он сделал вид, что не расслышал слов друга за гулом рвущихся снарядов.

Но вот гул на мгновение смолк. И зазвела песня соловья. Удивительный соловей, он ни на минуту не прекращал своей любимой песни. Постепенно люди привыкали к ней и переставали замечать ее так же, как давно уже не замечали разрывов снарядов.

Друзья не говорили о смерти. Они вспоминали детство, школу, девушку, которую любили оба, соловьиную рощу на берегу маленькой украинской речушки. Они мечтали о том большом счастье, которое наступит после победы. И снова они вспоминали о той же русококой девушке, с которой переписывались.

В конце концов все это было то, за что умирал Анатолий, то, для чего оставался жить и бороться Александр.

Странно, но о будущем счастье они говорили совершенно одинаково, как будто обоим предстояло жить, любить девушку, строить умные машины и слушать соловья. А может быть... да, в хриплом голосе умирающего была легкая, почти неуловимая нотка зависти.

Анатолий лежал у самого края большой лесной прогалины, у деревьев. Врачи суетились, где-то посредине, вокруг других раненых, к нему они не подходили. Он был уже перевязан, рядом с ним был человек, да и шансов на спасение не было.

— Вот что, — сказал Анатолий, — возьми это себе, она никогда не знала кого из нас выбрать. — Слабой рукой он протянул Александру пачку писем и фотографию.

В первый раз на глазах его появились слезы, а в словах — горечь. Очевидно, заметив это, он добавил возвышенно и в то же время так удивительно просто, как могут говорить лишь умирающие:

— Пусть моя любовь продолжается в тебе.

Александр посмотрел на фотографию. Девушка сидела на пне и улыбалась. Пейзаж фотографии удивительно напоминал лесную прогалину, на которой они находились теперь. На платье у девушки расплылось кровавое пятно.

Да, подумал, Александр, где бы не боролся, где бы не умирал — умираешь за свой родной уголок, за свою девушку, за свою землю.

— Покажи, — неожиданно сказал Анатолий, — он вырвал фотографию и в глазах его вспыхнула на мгновение искорка ревности.

...И вдруг он заметил, да, умирающий заметил, как из листвы показался ствол немецкой винтовки. Дуло было направлено прямо на Александра. Трудно сказать, что произошло в умирающем в то мгновение, но он собрал последние силы, приподнялся, бросился вперед и прикрыл грудью сидевшего рядом с

ним друга. Еще одна пуля вошла в простреленную грудь Анатолия.

— За нее, — только и успел сказать он перед смертью.

Восемь немецких разведчиков, пробравшихся к нам в тыл, выскочили на прогалину и открыли беспорядочный огонь. Врачи и сестры, оставив свои инструменты, бросились за оружием.

Немцы ударили по толпе... И все смешалось—стоны, крики, причитания раненых.

...Александр (после первого же выстрела упал в высокую траву. Теперь поднял он свой автомат и дал длинную очередь. Четверо немцев упали замертво, остальные, услышав свист пуль и увидев смерть своих, бросились назад к лесу. Трех свалила следующая очередь из автомата. Последний что-то жалобно залопотал. Александр жестко улыбнулся, он не забыл смерти Анатолия. Через секунду последний немец корчился на земле. Тогда Александр склонился над мертвым другом и крепко, по-мужски, как живого после долгой разлуки, поцеловал его в губы.

Сестры снова укладывали раненых, врачи приводили в порядок свои инструменты.

Александр не обращал внимания ни на что. Он оставлял лесную прогалину и шел туда, где бесперебойно щелкали выстрелы и гневно захлебывались пулеметы.

— За нее, — повторил он последние слова умирающего. И в этих словах была и родина, и девушка, и высокая дружба, и песня соловья, песня о жизни, звеневшая над лесом.

ЧЕТВЕРТАЯ АТАКА

Серов сам не заметил, как свалился прямо в снег и уснул. Рядом с ним лежало тело смертельно раненного немецкого ефрейтора. Ефрейтор тихо стонал и на его жирных ляжках подрагивали мускулы.

Серов спал свинцовым сном переутомившегося человека на утоптанном коричневато-буrom снегу траншеи, полчаса тому назад отбитой у немцев.

Четверо суток непрерывного движения. Четверо суток без сна. И сегодня три атаки. Люди его роты вынесли максимальное напряжение и теперь спали. Спали все. Все, кроме часовых. Часовые думали о том, как бы не заснуть, мечтали о смене и всматривались в близлежащее село, которое предстояло атаковать завтра. Время от времени то один, то другой проводили по глазам заскорузлыми обледеневшими пальцами и неестественно расширяли зрачки.

В селении было тихо. Овраги и холмы, едва освещенные луной, казались пустыми и таинственными.

И внезапно буквально в 30 метрах от часового из снега вынырнула маленькая фигурка. Часовой, рыжий здоровяк Иван Фесенко вздрогнул от неожиданности и поднял автомат.

— Не стреляй, дядя, не стреляй!

Через секунду перед Иваном Фесенко предстала маленькая востроносая девочка, закутанная в большой белый платок. Девочке было лет тринадцать—четырнадцать.

— Дядя, мне надо главного командира!

Фесенко улыбнулся. К своему командиру лейтенанту Серову он относился с особой нежностью.

— Завтра, дивчинко, завтра, а сегодня хай тут хоч. земля лусне, будить не дозволю.

— Но мне надо. Очень, очень надо, — сказала девочка и сразу же заплакала.

Фесенко смутился, он пытался успокоить девочку, выяснить, чего она хочет. Но та плакала все сильнее и сильнее и начала уже захлебываться от рыданий.

— Фу, ты бисова душа! — растерянно сказал Фесенко. — На, ось вин, буди. — И он показал на спящего Серова, которого кто-то успел заботливо прикрыть шинелью.

Серов просыпался постепенно. Он уже си-

дел несколько минут молча, уставившись в заплаканное лицо девочки, когда ее слова стали доходить до его сознания.

Девочка рассказывала, что немцы собрали все население и заперли в двух больших сараях, что бежала она одна, что они приготовили все для поджога деревни и все для поспешного отхода. Девочка просила...

Серов понял — она просила помощи... Впрочем, это было бы выгодно и с чисто военной точки зрения. Немедленная атака привела бы к уничтожению противника, промедление давало ему возможность оторваться.

Серов было решился... Но потом он вспомнил сегодняшнюю третью атаку. Вспомнил, как тяжело бежали люди, как падали они от усталости в снег и снова заставляли себя подняться сверхчеловеческим напряжением воли. Они спали всего пятнадцать минут...

— Нет, это невозможно, — скорее самому себе со вздохом ответил он. Девочка снова тихо заплакала.

Внезапно у Серова появилась новая мысль.

— Тебя как зовут?

— Таня.

— Так вот, Танюша, поди поговори сама с ребятами, а потом приходи.

Серов погладил девочку. Она медленно пошла по траншее. А он остался ждать, забыв

о сне, каменея от усталости и сдержанного волнения.

«Выйдет. Не выйдет. Выйдет... Подожду сорок минут...»

И он взглянул на часы.

Прошло полчаса. Серов устал ждать. Напряжение сменилось упадком сил. Снова несильно подползла дремота.

— Товарищ лейтенант, разрешите обратиться,—прозвучал странно неуверенный голос сержанта Крылова.

— Говорите, — Серов очнулся от забытия.

— Так что ребята думают, что если прикажете, можно б сегодня немца бить.

Серов посмотрел на сержанта удивленно и радостно.

— Ну, спасибо, — только и сказал он и пожал Крылову руку.

Через пять минут, когда он отдавал спокойным и твердым голосом распоряжение командирам взводов, его все еще мучили сомнения, но он увидел, как бодрым и размашистым русским шагом пошла группа лыжников, пущенная в обход села. Все сомнения исчезли.

— Вперед! — приказал Серов. И как ночные птицы, понеслись по полю лыжники с автоматами в руках.

Видно, ненависть и любовь способны становиться мускульной силой. Серов и его бой-

цы, казалось, не чувствовали усталости. Четвертая атака была еще более стремительной, чем первые три. Немецкий отряд в деревне был полностью уничтожен...

Жители выходили из открытых сараев. Они плакали и смеялись от возбуждения. Захлебываясь и волнуясь, рассказывала им обо всем Танюша. — Бойцы стояли вокруг и улыбались.

— Послушай, командир, — неожиданно сказал старик с включенной седой бородой, — а если б бойцы сами не попросились, пришлось бы нам погибать?

Серов засмеялся.

— Ну, дед, это было б не по-военному. Что б ни сказали бойцы, через сорок минут я отдал бы приказ об атаке.

— Но зачем же тогда ты мучил Танюшу? Не пойму я тебя.

— Танюшу... Видишь ли, — сказал Серов, — так или иначе это было лучшей подготовкой красноармейцев к бою.

СЕРДЦЕ ВОИНА

Худощавый и невысокий, с круглым курносым лицом мальчишки и мускулами спортсмена, он совершал подвиги, не задумываясь, как-то почти случайно, жил просто и весело, будто не существовало ни смерти, ни бессмертной славы. Он любил опасность, друзей и разговор в блиндаже о желанных и родных.

И за все это вместе взятое и за многое другое комсомольца Ежкова любили в полку.

...Взвод вырвался к реке. Она была застлана тучами песка и пыли. Хриплое завывание мин, захлебывающийся предсмертный вой авиабомб, взрывы...

Зрачки у людей расширены. Пот течет по лицам, потом набухают гимнастерки. Лопаты быстро отбрасывают песок.

...И вот они лежат в наскоро выкопанных щелях и бьют по немцам, удирающим на лодках через реку.

И видит командир взвода, усталый небритый человек с умными серьезными глазами, как на противоположном берегу суетятся враги, и спокойно отмечает на карте немецкие огневые точки.

Карта пестрит новыми красными пометками, карта говорит:

— Ого! Ежкова сюда живей! — Командир взвода взволнован. Он знает, что через двадцать минут весь батальон будет наступать к берегу через кустарник. И тогда... Тогда немцы откроют огонь из всех батарей (кустарник у них пристрелян). Атака будет сорвана, а сколько погибнет людей!

— Ежков! Беги, передай, чтобы не шли... Чтобы шли лощиной. Возьми записку.

У командира взвода задергалась острая жилка на виске.

— Есть!

Ежков улыбнулся, он любил опасные поручения. Потом он осмотрелся. Весь берег реки, от бесчисленного количества взрывов дышащий огнем и дымом, казался живым, движущимся и страдающим существом.

— Пятнадцать минут срока, — закончил командир. Ежков посмотрел на него удивленно, потом вдруг в его больших, по-детски круглых глазах мелькнул испуг.

— Сдрейфил, — сказал командир с горечью и сомнением.

— Нет, нет — заторопился Ежков, — только если два километра ползти — не успеешь, а если в рост... — Он поперхнулся и молчал под жестким взглядом командира.

— Дело твое. Пошло другого, — промолвил тот сухо. И снова синяя жилка запрыгала на его виске.

Ежков схватил записку, выскочил из окопа и быстро, полусогнувшись, побежал.

Командир с тревогой следил за удаляющейся худощавой фигуркой. В те мгновения, когда Ежков падал, командир весь вытягивался и, затаив дыхание, шептал про себя:

— Нет, не убит, не убит, не ранен...

Это напоминало заклинание, и когда Ежков снова поднимался и бежал уверенным шагом опытного снайпера, командир облегченно вздыхал, ему казалось, что он чем-то помог бегуну.

Пулеметная очередь врезалась в землю у самого окопа, и командир невольно нагнул голову. Когда он снова поднялся, Ежков уже скрылся в облаке пыли и дыма.

..Ежкову никогда не приходилось так бегать.

До сих пор он мог забывать о смерти, от него требовалось только — рваться вперед. Теперь же, теперь он не имел права умирать.

Это было самое трудное, вернее, трудно было думать об этом.

Ежков задыхался, свист пуль и свист рассекаемого воздуха одинаково нервировали. Хорошо, что бежать оставалось недолго, каких-нибудь 300—400 метров. Он собрал все свои силы и резко ускорил бег. И вдруг... вдруг почувствовал ожог чуть выше левого соска.

— Мне нельзя умирать, — только успел он подумать, и сознание его помутилось. Ноги бойца сделали механически еще несколько шагов, затем колени подогнулись и тело упало на землю.

...Командир батальона сидел в блиндаже, вырытом под корнями невысокой ветвистой ивы. Он ждал донесений от командира взвода, но решил наступать через кустарник, даже не получая их. Кустарник был наиболее скрытным путем подхода к берегу.

Капитан отбросил папироску, зачем-то свистнул, твердо посмотрел в усталые глаза своего заместителя и отдал приказ выйти на рубеж для атаки.

...Командир взвода рассматривал через бинокль ложнину, надеясь, что вот-вот появятся там наши. Лицо его было спокойно, волнение выдавала та же дрожащая жилка на виске.

— Ровно тринадцать, — прошептал он и,

не выдержав, перевел бинокль. То, что он увидел в кустарнике, заставило его побледнеть.

— Поздно, — подумал человек, — коня! — крикнул командир взвода.

Через две минуты он уже мчался по берегу, и солдатское счастье хранило его от свистящих вокруг осколков и пуль.

И все-таки выехал он слишком поздно.

...Капитан поднялся, подтянул гимнастерку и собирался выйти, но в это время вход заслонила какая-то фигура. Поддерживаемый под локти часовым, шатающейся механической походкой вошел Ежков. Глаза его были закрыты, он, как слепой, вытягивал вперед руки, из углов рта текли две ровные струйки крови.

— Ложиной надо, — сказал он и протянул записку. И, согнувшись, склонился на маленький походный столик. Ножки столика затрещали, по испещренной красным карандашом карте текла кровь!..

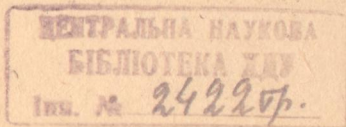
— Врача!..

Пока капитан менял план боя и отдавал новые приказания, пока врач осматривал и перевязывал раненого, командир взвода подъехал к блиндажу. Он издали увидел, что бойцы из кустарника перебираются в ложину, и теперь не спешил.

Грустный и задумчивый, он подошел к лежавшему в беспамятстве Ежкову.

— Как он мог с такой раной пройти хотя бы несколько шагов? — с удивлением спросил врач. — Это непонятно для медицины. Как могло выдержать его сердце?

— У него было сердце воина, — ответил командир взвода. — Это не просто человеческое сердце, — добавил он, как мудрец и философ.



СОДЕРЖАНИЕ

Счастье смелых	3
В городе тополей и каштанов	8
Каска	11
Партизанская невеста	17
На лесной прогалине	22
Четвертая атака	27
Сердце воина	32

Редактор А. Тростанецкий.
Подписано к печати 28.1.1944. П00552. Заказ 4840
Тираж 5000. 1 $\frac{1}{2}$ печ. л.

Тип. „Октябрьский натиск“. Уфа

